

К 536/42г

К Р О К О Д И Л

Рис. И. Семенова

ДВЕ СВОДКИ

Освобождено 12 населенных пунктов.

Засеяно 12 гектаров сверх плана для освобожденных пунктов.

ВСЕ ДЛЯ НЕМЕЦКИХ ПАССАЖИРОВ
(На югославских железных дорогах)

Югославские партизаны подвергают особо частым разрушениям железную дорогу Белград — Ниш.

Рис. Н. Радлова

Пассажиры

участке Белград — Ниш полностью восстановлено.

С О Р М У Ч Е Н И К О В

Вся берлинская полиция была на ноги. По всем закоулкам, трюмам и притонам Москвы нежного Карла Штумпе. Штурмовики, вездеходы, шпиды бегали по городу, высунув языки, облизываясь потом, и по привычке сжимали многоосыльные кулаки. Им бы только поймать этого проклятого Штумпе! Уж они, будьте уверены, разделаются с этой вонючей крысой! Подумать только: вторую неделю, как он скрывается от властей, этот негодяй!

Карл Штумпе был неуловим. Вот уж казалось, что удалось напасть на его след. Но ничего не получалось: преступник исчезал, и след его вновь терялся в дебрях большого города.

А разыскать его надо было во что бы то ни стало. Дело в том, что Карл Штумпе был заподозрен в вежливости.

Да, да. Ему не отвергаться. Всеведущее гестапо точно установило, что Карл Штумпе — очень вежливый человек.

Карлу Штумпе говорят:

— Вы идиот, лжец, мошенник, фашист! Карл Штумпе улыбается и отвечает:

— Благодарю вас. Вы очень любезны. Несколько лет назад он оглох на оба уха. Настолько глух, что даже позволял себе ходить на лекции Геббельса. Короче говоря, этот берлинец был на хорошем счету.

А тут как раз подоспело распоряжение об организации в столице конкурса вежливости. Надо выявить и представить начальству сорок мягкотелых берлинцев, сорок отъявленных джентльменов.

Это — очень трудное и, как сами понимаете, весьма деликатное дело. Вот почему оно и было поручено полиции.

Как и следовало ожидать, полиция рьяно взялась за работу. Немедленно были устроены облавы на лиц, подозреваемых в вежливости.

Первым делом вспомнили и Карла Штумпе. Но глухой, каким-то образом прослышав о том, что полиция заинтересовалась его личностью, немедленно скрылся.

Начались розыски. На всякий случай арестовали в качестве заложников его жену, детей, родственников и соседей.

Начальник полиции неистовствовал:

— Есть у нас на примете один вежливый берлинец — и того мы разыскать не можем. Позор и срам!! Отыскать мне этого мерзавца!

Отыскали. Это случилось на очередной лекции Геббельса. Слушатели мирно спали. Лишь один человек бодрствовал. Он оказался подозрительным. Его взяли.

Представьте себе торжество полиции, когда там узнали, что это и есть Карл Штумпе. Нарядостях его избili до потери сознания.

Карла Штумпе посадили в одиночку. Там он будет сидеть до самого конкурса.

Так был найден один из сорока вежливых берлинцев. Поиски остальных тридцати девяти усиленно продолжаются.

О результатах сообщим дополнительно.

Г. РЫКЛИН

— Говорят: довольно крови!.. Пожалуйста, могу перейти к виселице.

Весна за нас! ✓

Брешет Гитлер, Геббельс врет
В сумасшедшем раже:
— Дескать, вот покажем!

А у нас расчет прямой:
Били Гитлера зимой,
Шкуру гаду так дубили,
Столько фрицев мы убили,
Что живым им свет немил,
Столько вырыто могил!
Крепко взяли в «переплет».

Брешет Гитлер, Геббельс врет
В сумасшедшем раже:
— Дескать, вот покажем!

Что показывать?
Кому?
Немцам — ничего суму?
Миру — оспу, тиф, чуму?
Нам — зачумленные лица
Вшивых гансов, вшивых фрицев?
Мы их видели зимой,

Мы им дали путь прямой
В черные могилы,
В белые могилы.
Мы их крепко «угостили»,
Ими улицы мостили!

Мы им дали, мы их жали
Силою железною,
Так, что все они визжали,
Словно псы облезлые!
Так что «вешний тарарам»
Не для нас, не по нам!

Нам зима — победы вежа
И весна — не помеха!
Нам весна известная —
Красная, советская,
Не за Гитлера она,
К нам пришедшая весна.

Наша цель ясна:
За нас весна!

Александр ПРОКОФЬЕВ

Ленинград.

— Вот, посмотрите: стоит только на кого-нибудь опереться, как он уже не стоит на ногах.

ДО ВОЙНЫ на каждого приезжавшего из Германии накидывались с расспросами, с какими наживулись бы только на покойника, случайно вернувшегося из вельзевулова ада на землю.

Иные интересовались, есть ли еще солнце в «третьей империи» и можно ли лицам, не принадлежащим к «северной расе», греться в его лучах.

Других занимали вопросы быта, науки и искусства отропной страны, неожиданно провалившейся в гитлеровскую преисподнюю.

— Ну, а рестораны там есть? Публика ходит? Свиные отбивные подают?

Приезжий в ответ только безнадежно махал рукой:

— Эка, вспоминал!.. Там свиные отбивные давно из кошек делают...

Расстраивающие изумлялись:

— Ну?! Из кошек?! Куда же все немецкие свиньи делись?

— Министрами стали...

— А министры?

— В каторжных тюрьмах сидят...

— А каторжники?

— В университетах лекции читают...

Слушатели переглядывались, и по их лицам пробежал тот нервный трепет, который можно наблюдать у детей, когда они впервые слушают страшную сказку о Змее Горыныче или Качее Бессмертном...

— Где же прежние университетские профессора?

— В ресторанах водку разносят...

— А лакеи?

— В газетах пишут. Там чайные больше.

— А писатели?

— Большинство — в Америке. Часть — в концлагерях. Некоторые — на берлинской литературной панели. Собой торгуют.

— А куда же проститутки делись?

— Перешли в министерство пропаганды...

Все вместе это называлось «новый порядок».

Постепенно «новый порядок» вместе с германскими оккупационными войсками перекочевал и в другие европейские страны. Во Франции тоже все с ног поставили на голозуб.

Ученые стали арестантами, арестантов превратили в «патриотов», истинных патриотов объявили изменниками, а изменники образовали правительство...

В Хорватии из университетов вытряхнули почти всех заслуженных профессоров и стали спешно заменять их полупрамотными усташами.

В связи с этим пришлось, как сообщили загребские газеты, несколько облегчить условия получения профессорского звания.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ОСТРОУМНЫЙ ПРОДАВЕЦ

По улицам норвежского города ходил со своим лотком продавец сельдей.

— Сельди, сельди! — кричал он. — Такие же жирные, как Геринг! («Геринг» по-немецки — селедка).

Гестапо арестовало продавца. Он отсидел две недели в тюрьме, а затем снова появился с лотком на улице.

— Сельди, сельди! — кричал он громче прежнего. — Такие же жирные, как две недели тому назад!

(«Советский патриот»)

ВЕСЕННЕЕ

— Ряды нашего полка тают с каждым днем.

— Ничего удивительного, господин оберлейтенант: здесь, на юге, очень жарко.

(«За нашу родину»)

БОЕВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

— Слышал? Сегодня русским от нас досталось...

— Наконец-то мы победили!

— Да нет! Я говорю: русским много досталось наших танков.

(«Во славу родины»)

ОБИДА ГАНСА МОРГЕНТАУ

Ефрейтору Гансу Моргентау товарищ в шутку сказал:

— Ты начал карьеру по-фиорерски: он тоже был ефрейтором. Есть что-то общее у тебя с Гитлером.

— Сам ты идиот! — сердито ответил Ганс.

(«Во славу родины»)

НЕСМОТЯ НА ПОТЕПЛЕНИЕ

— Куда ты так бежишь, Ганс?

— Я продолжаю искать зимнюю квартиру.

(«За нашу родину»)

ВЕСКАЯ ПРИЧИНА

— Шульцу письмо от любимой. Вот, наверное, обрадуется!

— Не обрадуется! Во-первых, он неграмотный, во-вторых, он никого не любит, и, в-третьих, он вчера убит.

(«За правое дело»)

Сестричка

(Куплеты)

Вот вражий танк. В сравнении с ним
Моя винтовка — вроде пташки.
Но гад ползучий уязвим,
Стрелок не даст ему поблажки.
В немецком танке выбрав цель,
Свою винтовку я направил,
Попал я в смотровую щель —
И лоб фашисту продырявил.
Так вот вам и урок,
Его запомнить просто:
Велик в винтовке прок,
Хоть невеличка ростом!

У пушки — вид! В сравнении с ней
Моя винтовочка — худышка.
Конечно, пушка повидней,
От наших пушек — фрицам крышка.
В листе запрягался фашист.
Ну, стоит ли тревожить пушку?
В лесу пронесся пули свист,
И с дерева я снял «кукушку».
Так вот вам и урок,
Его запомнить просто:
Велик в винтовке прок,
Хоть невеличка ростом!

порядок»

Сморчки

«Облегчением условий» занялся сам глава усташей «премьер» Павелич.

Он собрал своих старых соратников, вся научная работа которых до сих пор состояла из тайных убийств и явных грабежей. Будущие доценты и академики выстроились в шеренгу.

— Эй, рваная ноздря!

Сумрачный дедина с внешностью профессионального промывки предстал перед премьером.

— Промотен?

— По письменному слаб, а печатное разбираю...

— Отлично!.. Пойдете профессором словесности в загребский университет... Словеснику письменное не нужно... Никола Каин!

Маленький человечек с багающими рысьими глазками, похожий на хорька, почуявшего курятник, выступил вперед.

— Резать умеешь?

Хорак лухмыльнулся, показав острые мелкие зубки хищника:

— Сами, небось, знаете, господин министр... Уж нечего-чего, а резать приходилось...

— Ладно... Назначаю тебя профессором анатомии на медицинский факультет...

— Прямного благодарен, господин министр... Павелич многозначительно поднял палец вверх:

— Только тут, брат, работа сложная... Так сказать, научно-педагогическая... Это тебе не из-за угла нож в спину воткнуть... Трупы вскрывать надо... Справишься?

— Несгораемые шкафы вскрывали, — обиделся маленький человечек, — а с трупами не справимся, что ли?

— Ну, какие вам еще профессора требуются? — обратился премьер к ректору университета, перетупавшему старичку с трясущейся седой бородкой.

Ректор отер испарину с бледного лба:

— Кафедра высшей математики вакантна, господин министр.

— Кафедра высшей математики?.. Сейчас найдем... Эй, ребята, кто из вас бойко считать может?..

— Христич!.. Степан Христич! — послышались голоса. — Как в «очко»... в «двадцать одно» то есть, играем и если у кого «перебор», — Степан орау видит...

Степана определили на кафедру высшей математики.

«Новый порядок» в хорватских университетах был наконец установлен.

Евг. БЕРМОНТ

Невеличка

найпера)

Вот «Мессершмитт» спешит удрать за облака. Он их пронизет. Но ежели на мушку брать, — Гулять стервятникам пониже. Налетчик очередью крыл, Кружил он бреющим полетом. Его я меткой пулей сбил — Сгорел он вместе с пулеметом. Так вот вам и урок, Его запомнить просто: Велик в винтовке прок, Хоть невеличка ростом!

Есть у винтовки номер свой (К примеру, миллион сто тридцать), И счет текущий боевой — В сраженьях истребленных фрицев. Метет винтовка и мела С лица земли бандитов черных. Пускай винтовочка мала, Но счет ее растет упорно. Так вот вам и урок, Его запомнить просто: Велик в винтовке прок, Хоть невеличка ростом!

В. ГРАНОВ

Доложили Даниле На походе чуть свет: По тропе за отрядом Немец движется вслед. Зная вражью повадку Выходить так, гуртом, Дед спросил для порядку, Сколько немца числом. Внук Данилы — разведчик, — Взяв к ноге карабин, Отвечает по форме:

— Немец счетом один. И тогда дед Данила Молвит хлопцам своим: — Не во вред бы нам был Взять фашиста живым. И велит им без шума Захватить «языка», В крайнем случае, разве, Двинуть в душу слегка. — Все понятно? — Понятно. Хлопцы с места — в обход. Скоро ль будут обратно?

Дед кисет достает... Только трубку наладил, Да кресало, да трут, Глядь: спокойно и

чинно

Хлопцы немца ведут. Руку правую — кверху, Левою — держит штаны: До того, на поверку, Отощал до весны! До того неопрятен, Непригляден и худ! И одно повторяет, Что «капут» да «капут». Но забава — забавой, А с того «языка» Речи столько же здоровой, Что с козла молока. Отмахнулся Данила: — Погоди-ка ты, шут, Это знали мы раньше, Что придет вам капут. А скажи-ка иное, Да всю правду, как

есть:

За какую нуждою Очутился ты здесь? Немец деду подробно Объясняет так-сяк, Где словечко подыщет, Где придумает знак, — Словом, сам неповинок. Проклинает войну И желал бы отныне Поместиться в плену. Покосился Данила: — Ох ты, сукин ты сын, Так вот я и поверил, Что в лесу ты один!.. Немец вдруг улыбнулся, Головой закивал И на пальцах

двенадцать —

Пять и семь — показал. И ручища покорно Он скрестил на груди... — Ну-ка, хлопцы, проворно! Ну-ка, немец, vedi... Врассыпную за дедом Поспевает отряд. Наготове оружие, Зорек глаз у ребят. Не успел провожатый Указать поворот, Как рванулись ребята Прямо к месту — вперед. Неудали от тропинки, На полянке лесной, Кучкой немцы сидели, Как грибы под сосной. Видно, солнце пригрело, Видно, зуд нестерлим: Занимаются делом Вошебойным своим. Чуть завидели наших, Автоматы кладут, И у всех наготове Тот же лозунг:

«Капут!»

Дед считает: двенадцать — С бору с сосенки сброд: — В плен собрались сдаваться, Ждете, плен к вам придет? А не много ли чести Вас искать по кустам? Воевали на фронте — В плен просились бы там... Тут один, колченогий, К деду руки простер: — Мы еще по дороге... — Ну, другой разговор. Словом, немешский

зонт —

Сопляки, старички. — Что ж, в колонну по-двое Стройся живо, сморчки!

А. ТВАРДОВСКИЙ

Действующая армия.

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

Рис. Г. Валька

На третье — жареный стервятник.

Фотомонтаж Б. Клинча

Фашистский надуванчик.

К а ш а

ФАМИЛИЯ моя — Кушакова, а звать — Екатерина Николаевна.

Но на производстве меня все Катей зовут. Катя да Катя! А то и Катюшей девочки покликут. Или Катенькой!..

Конечно, если разобраться: какая я им Катюша?! Бабе за пятьдесят. Внуков могла бы своих качать! Да так уж, видно, пришлось! Прокатилась жизнь бобыльным колесом... Ну, и осталась я... Катей!..

Мы на заводе кашу делаем. Пшеничную, гречневую, овсяную. Называется «концентрат». Для нужд фронта.

Для бойцов она очень удобная, наша каша: варить не надо. Разведи ее кипятком или горячим молочком — и действуй, милый, на здоровье!..

В заверточном цеху девочки у нас молодые работают, веселые.

Вот они и затеяли в каждый пакетик к нашей каше вкладывать записочки для бойцов. Разное писали.

Соня Круглякова у нас есть. Бойкая девочка! Она так написала:

«Дорогой боец! Сообщите на завод Соне Кругляковой, сколько фасштов вы уничтожили, поев нашей каши. Мне 18 лет, глаза у меня, между прочим, карие».

Мы ей говорим:

— Сонька, про глаза-то зачем?

— А как же, — говорит, — фронт все должен знать. Фронту все интересно!..

Аня Дегтярева очень хороший стишок сочинила и тоже на фронт послала. Как это?.. Вот:

«Кто сварит нашу кашу к обеду
И девочкам спасибо пошлет?
Мол, одержим над гадом победу
И тогда непременно заеду
На далекий консервный завод.
Чтобы после военной разлуки
Встретить снова тепло этих глаз
И пожать эти женские руки,
Что так славно трудились для нас!..»

Ко мне девочки тоже пристали: напиши да напиши!..

Я не захотела от молодых отстать и написала из песни своей, из любимой:

«Мой товарищ, тебя я не знаю,
Но любовь в моем сердце жива!»

Сообщите, если будет времечко, понравилась ли вам наша каша.

И подписалась: «Катя Кушакова».

Вот однажды пришла я домой после работы; постиралась, конечно; сижу пью чай.

Вдруг слышу: в дверь стучат.

— Войдите, — говорю.

Входит военный товарищ. Моряк. Черная шинель, пуговики золотые. Младший командир.

— Здравствуйте! Мне... Катю Кушакову.

— А зачем она вам?

— Так... Нужно!..

Вижу: мнется он, вроде стесняется. А мне и самой как-то неловко вдруг стало.

— Да вы присядьте, — говорю.

Сел он на стул, снял шапку. Молоденький сам, красненький такой и, видать, прямо пришел из парикмахерской: одеколоном на всю комнату пахнет.

— Я, — говорит, — в вашем городе случайный гость. Я здесь лежал раненый в лазарете, а сейчас возвращаюсь обратно на фронт в Севастополь, и мне очень нужна... Катя Кушакова. Ее, что, дома нет?..

Меня что-то в сердце кольнуло: «Не признавайся!..»

— Нету дома, — говорю, — но вы можете мне все указать, я ей передам!..

— Передайте ей, — говорит мой гость и заливается краской до самой шеи, — что мне ее каша очень понравилась. И еще скажите, что песню эту я тоже очень люблю... «Мой товарищ, тебя я не знаю, но любовь в моем сердце жива!..»

Я стою — ни жива, ни мертва. Вижу: у человека — мечта!.. И нельзя эту мечту прогнать.

А он — ко мне:

— Вы ее хорошо знаете, Катю Кушакову?

— Да, немножко знаю, — говорю.

— Какая она из себя?

— Да такая, говорю... этакая... в общем женского пола!..

— Blondинка?..

Глянула я тут случайно в зеркальце на волосы свои седые, отвечаю:

— Светленькая.

— Красивая?..

Вот пристал!

— Красивая, — говорю, — и умная и молодая.

— Я завтра уезжаю. Может, мне удастся ее сегодня повидать?..

— Нет, — говорю, — не удастся. Она сама вчера только на фронт уехала. Военной сестрой. Кончила курсы — и подалась!..

Встал он, потемнел лицом.

— Что же, — говорит, — значит, не судьба! Ну, может быть, мы на фронте встретимся. Бывают, говорит, такие счастливые совпадения в жизни. Почему-то, говорит, ее записочка в этой каше на меня очень сильное произвела впечатление. «Мой товарищ, тебя я не знаю, но любовь в моем сердце жива!..» Буду, говорит, искать Катю Кушакову, может, после войны найду. До свиданья, бабушка!..

Закапали у меня вдруг слезы из глаз.

Говорю:

— Дай мне тебя, внучек, поцеловать. Будь здоров!.. Дружкам своим поклонись от меня.

Поцеловала его и пошла его провожать и в калитке еще сказала:

— А насчет каши нашей — не беспокойтесь. Каши дадим вам на фронт вдоволь и хорошей. Только скорее врага выгоните!..

— Все, говорит, будет в порядке, бабушка. И врага прогоним, и Катю Кушакову разыщем!..

И разыщет: такой всего добьется! Одна у меня надежда теперь, что эту его Катю совсем не Катей будут звать!..

Леонид ЛЕНЧ

МУДРЕЦ И ФЮРЕР

Фюрер: — Скажи, мудрец: как объяснить то, что русские разбили немцев на Чудском озере?

Мудрец: — Случай, господин фюрер.

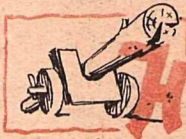
Фюрер: — Ну, а то, что русские били немцев в 1918 году?

Мудрец: — Несчастный случай, господин фюрер.

Фюрер: — Но почему и сейчас русские бьют нас?

Мудрец: — Привычка, господин фюрер.

Ложная батарея

АМ приказали уничтожить фашистскую батарею. А как ее уничтожишь, когда ни одного вражеского орудия днем с огнем не найдешь: замаскировались, черти!

Ночью мы в стороне от нашей батареи установили несколько колес от повозок, приладили к ним бревна и фанерные щиты. «Пушки» получились наредкость хорошими. Закончив «орудийное» производство, мы переклочились на подделку обслуживающего персонала. Не может же оружие без расчета вести огонь! Расставили у липовых орудий снопики, надели на них корзины и — готово. Издали, ни дать ни взять, — бойцы суетятся.

К утру подвезли на батарею два настоящих орудия и открыли из них огонь по немецким позициям. Упразднили наши ребята здорово. Говорят, что ложная батарея стреляла за целый дивизион. Отстреляв положенное время, настоящие пушки уехали.

После этого не прошло и десяти минут, а немцы уже засекали деревянную батарею и открыли по ней огонь. Сначала они стреляли из одного орудия, — видно, пристреливались. Затем заговорила вся батарея. А мы этого только и ждали. Наблюдатели засекали ее, а мы, опневикки, расчехостили фашистских артиллеристов.

Вы спросите: а как ложная батарея? Ничего. И поныне живет. Во время обстрела немцы повредили одну «пушку» да опрокинули пару снопиков. Вот и все.

Георгий ХОЛЗУНОВ,
красноармеец.

Действующая армия.

«Яблочко»

ОД бревенчатым накатом их было трое: Ладю Бодридзе, Миша Фридман и Алексей Сырков — неразлучные боевые друзья. — Ваше слово, товарищ Фридман!

— Готов! — Фридман откашлялся, глубоко вздохнул и закричал во всю килу своего звонкого голоса: — Эй, вы! Фрицы! Боевой самодеятельный концерт объявляем открытым. Первым номером нашей программы будет исполнена любимая песня советского народа. Исполняет заслуженный красноармейский ансамбль. Maestro, прошу!

Опустив одно плечо вниз, Алеша сильным движением, с разворотом развел гармонию. И над полями к вражеским траншеям понеслись уверенные звуки боевого марша. Тотчас же в ответ с немецкой стороны беспорядочно застрочили автоматы.

— Аккомпанируют! — горланно засмеялся Ладю.

Когда кончилась музыка, вместе с нею сразу прекратился и огонь.

Миша опять принял торжественную позу и закричал:

— Эй, убийцы, сукины дети, тевтонские фрицы! Вторым номером нашей программы песня: краснофлотское, армейское, партизанское «Яблочко»!

С особенным разгоном начал Алеша песню. Она взлетела, взвихрилась над ветвями елей и унеслась далеко.

Немецкие автоматы опять рассыпались мелкой четкой, и вдруг короткой очередью плюнул, наконец, станиковый пулемет.

— Дашь! — закричал Алеша и прильнул к амбразуре, продолжая играть:

«Эх, яблочко, да румяное,
Били немца, будем бить,
Окаянного!»

Противник усиливал огонь. К первому пу-

ХОР СОЮЗНИКОВ: — Подайте кусочек хлеба!..

лемету присоединился второй, но, словно спохватившись, смолк. Однако не выдержал и забил долго и безостановочно.

— Клонуло! — в восторге прошептал Фридман. — Вижу, откуда бьет!

Бодридзе только кивнул головой, а Сырков, выделывая совершенно неслышанные, чудесные, вихревые вариации, закричал:

— Больше жизни, товарищи заслуженные артисты первого звзда!

Но едва он успел произнести эти слова, как рядом с «эстрадой» лопнула мина и грязью, землей, звенящими осколками забросала бойницу.

— Эге! Они музыку любят! На барабанах стали играть.

Алексей оборвал куплет:

— Ну, кажется, хватит, все ясно. Стелли неплохо.

И, определив таким необычным способом находку огневых точек, товарищи, напевая про себя то же задорное «Яблочко», стали пробираться назад, чтобы доложить командиру о выполнении боевой задачи.

Д. ЩЕГЛОВ,
интендант 2-го ранга.

Действующая армия.

12

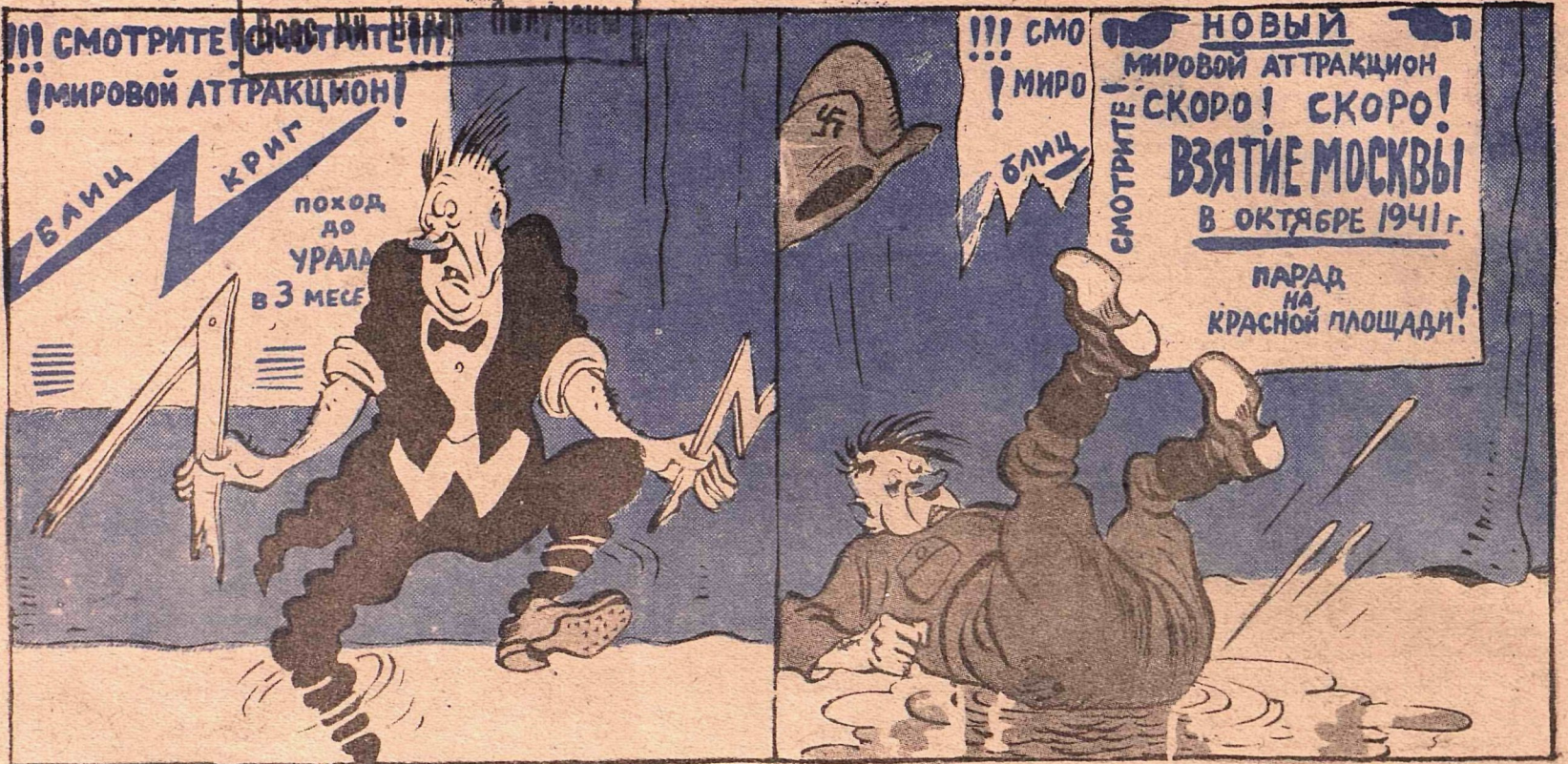
ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

30 МАЯ 1942

ФОКУС НЕ УДАЛСЯ

Рис. Бор. Ефимова

Текст Ал. Роховича

— Первым номером — блиц-криг!
Срепетирован отлично!
Эйн, цвей, дрей!.. — и в тот же миг
Оскандалился публично!..

Миг
Получ.
в р.д.

С деп
в редак

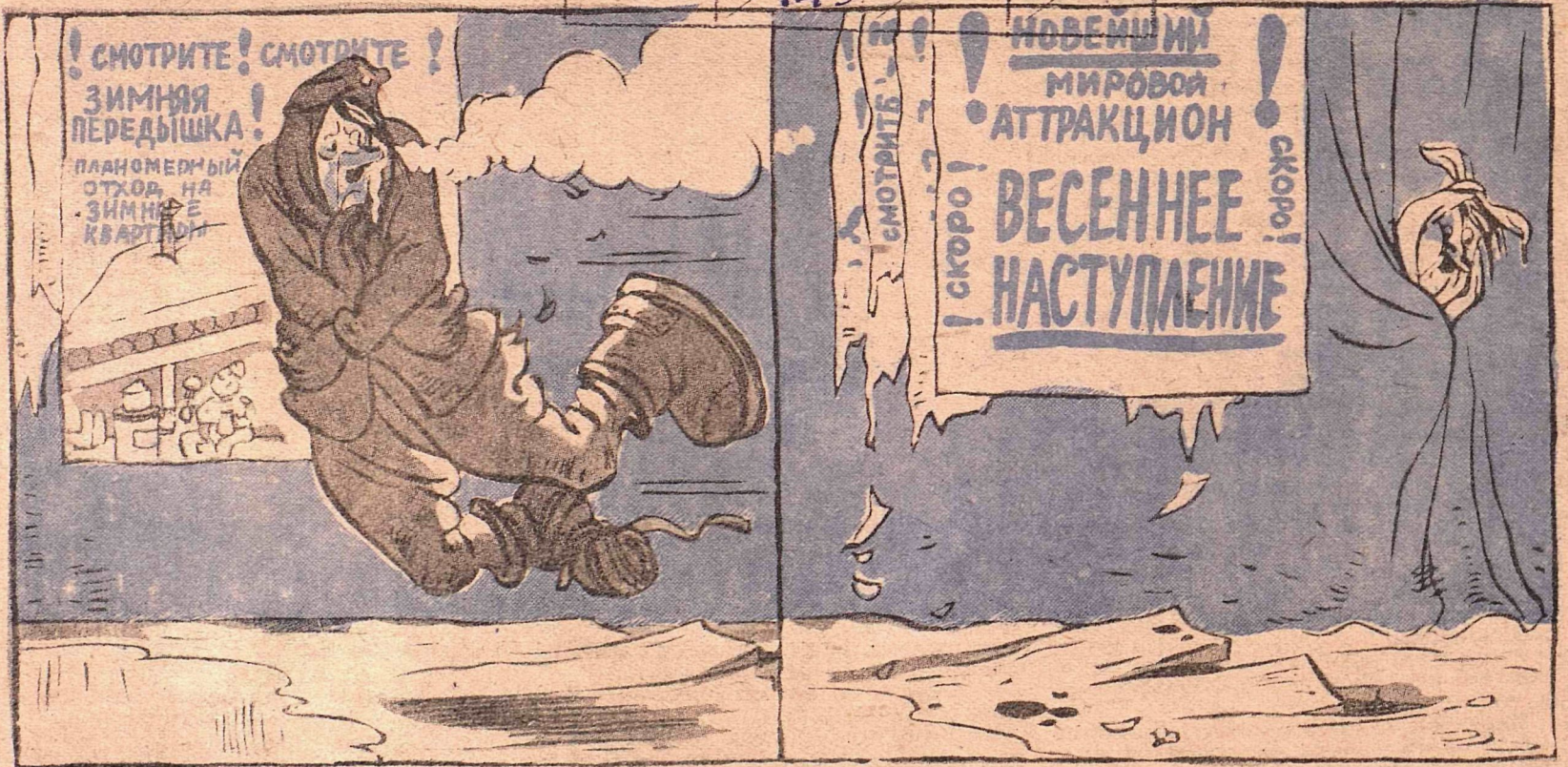
2/12
12/11

ергод
и сцен

„Лет

— Ахтунг! Вот аттракцион!
Феерично! Необычно!
Эйн, цвей, дрей!.. — и снова он
Оскандалился публично!..

„Ури

— Всех солдат одену в мех —
Мерзнуть не гигиенично!
Эйн, цвей, дрей!.. — но, как на грех,
Оскандалился публично!..

— Скоро буду наступать! —
Но попрежнему, привычно,
Этот фокусник опять
Оскандалится публично!